

includes a large number of ancient Scandinavian names taken from Swedish almanacs in Finland (*Aslög, Atle, Birger, Bo, Bror, Dag, Eivor*), which are also in use in Finnish areas. The lexicon likewise gives biblical names (*Batseba, Efraim, Esaias*), Latin (*Amanda, Felix*), Greek (*Dionysius, Dorotea, Eufrosyne, Eusebios*), German (*Arnd, Elmer, Ernst*), English (*Edvard, Edvin, Etel*), French (*Annette*), Russian (*Anja, Artemi, Boris*), Estonian (*Merike, Salme, Virve*) and other names. The author has used E. Rajandi's «Raamat nimedest», Tallinn 1966 (A Book of Names), therefore the book is rich in comparative material drawn from Estonian.

At the back of the book there is a bibliography (pp. 280—283) and an extensive index (pp. 284—327) which make the book easy to use.

«Etunimet» by K. Vilkuna is also useful for parents because the right of naming one's child in the way one wishes does not always yield the best results. The majority of foreign and loan-names are given to children without the least idea of their original meaning. A glance into the book helps us avoid quite a number of mistakes. A child ought to have a name with which he or she could go through life without feeling embarrassment. Of course, the book also contains the names of elderly people which suited the requirements and taste of former days. Grandfathers and grandmothers, mothers and fathers, sons and daughters can all find their names in this book.

JAAK SIMM (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1979.4.12>

Финно-угристика I. Межвузовский тематический сборник научных работ, Саранск 1978. 186 с. (Мордовский государственный университет)

В первом межвузовском сборнике «Финно-угристика», созданном по инициативе кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, в основном представлены работы сотрудников местных вузов (университета и педагогического института) и научно-исследовательского института. В редактировании и подготовке к печати приняли участие ученые Тартуского государственного университета (П. Алвре) и Института языкознания АН СССР (А. П. Феокистов). Рецензируемый выпуск — тематический. Основное внимание уделено проблемам мордовского языкознания.

Особое место в сборнике принадлежит статье А. П. Феокистова «Из истории мордовской письменности II половины XIX века», так как ее публикация проливает дополнительный свет на историю дореволюционной мордовской письменности. До сих пор существует мнение, что до Октябрьской революции мокша и эрзя не имели письменности. На основе многолетних архивных изысканий А. П. Феокистов приходит к выводу, отрицающему такое представление. Появление

первых мордовских памятников письменности на базе русской графики, как показал исследователь, относится еще к XVIII в. Из памятников раннего периода, обнаруженных А. П. Феокистовым, в статье рассматривается книжка «Кода русня кстиндасть», изданная в 1891 г. в Казани. Анализируя ее фонетические и грамматические особенности и сравнивая их с современными нормами мордовских языков, А. П. Феокистов доказывает, что начиная со второй половины XIX в. мордовские переводы выполнялись с большим мастерством, так как к переводческой деятельности все чаще привлекались носители мордовских языков, поэтому фонетические и грамматические нормы мордовской письменности второй половины XIX в. во многих случаях были уже весьма близки к современным. Итоги изучения текста книги автор статьи выносит за рамки чисто лингвистических выводов. По его мнению, рассматриваемая книжка представляет собой не просто перевод русского текста, а и своеобразное художественное повествование об истории крещения Руси. И уже со второй стра-

ницы в ней допущены интерполяции на мордовские темы. Во второй же части имеется очерк о языческих верованиях мордвы и истории ее крещения.

Содержательна статья о морфологическом строении слова в мордовских языках С. З. Деваева и Д. В. Цыганкина, имеющая преимущественно теоретический характер, хотя рассмотрение вопросов мордовской морфемки ориентировано и на широкий круг интересующихся проблемами развития мокшанского и эрзянского языков. Анализу этих особенностей с точки зрения общелингвистической значимости авторы посвятили первую часть работы. Кратко охарактеризовав такие общелингвистические понятия, как словоформа, лексема, морфема и некоторые другие, С. З. Деваев и Д. В. Цыганкин тщательно проанализировали некоторые специфические закономерности словообразования в мордовских языках. Во второй части статьи подробно рассмотрены основные типы морфем (корневые и аффиксальные), играющие в мордовских языках важную словообразовательную роль. Интересно наблюдение авторов над соотношением корневых и деривационных морфем. Общая закономерность этих соотношений, по наблюдению авторов, сводится к следующему: «Чем больше словообразовательных (деривационных), тем меньше нужно корневых морфем для выражения близких значений, и наоборот, чем меньше словообразовательных форм, тем больше нужно корневых морфем для выражения определенного круга близких значений» (с. 47). Работа С. З. Деваева и Д. В. Цыганкина может быть использована и в вузовской и школьной практике.

Статья Д. В. Цыганкина о категории принадлежности и ее особенностях в диалектах эрзя-мордовского языка представляет собой одну из попыток автора обобщить диалектное многообразие посессивных словоформ в эрзянском языке, выявить разного порядка парадигмы и определить общие тенденции их развития. Д. В. Цыганкин устанавливает состав посессивных суффиксов (ПС) и определяет их диалектные особенности, выявляет диалектные подсистемы ПС, их отношение к общемордовской системе ПС; исследует способы выражения посессивных отношений и закономерности употребления

словоформ с ПС. Значительная работа проделана автором и по выявлению структурных особенностей посессивно-именных парадигм и морфонологических явлений в употреблении притяжательного склонения. ПС в эрзянском языке и диалектах, как показывает автор, имеют несколько способов выражения, в частности — морфологический и синтаксический. В статье рассмотрены и разновидности морфолого-синтаксического способа выражения посессивных отношений. Синтаксический, наиболее древний из способов, в эрзянских диалектах имеет особенности. В диалектной речи подобные конструкции, как считает автор, употребляются при отсутствии логического акцентирования того, что именно этот предмет принадлежит какому-то предмету или является частью какого-то предмета. Д. В. Цыганкин путем сравнительного анализа приходит к выводу, что во всех эрзянских диалектах распространен нормальный способ оформления косвенных падежей, т. е. в аблативе, инессиве, элативе, пролативе, компаративе и абессиве за основами существительных следуют падежные морфемы, а за ними — ПС. В этом отношении диалектные системы эрзянского языка близки диалектным системам прибалтийско-финских языков.

Рассмотрению основы мордовского глагола как элемента общеморфологической системы мокшанского и эрзянского языков посвящена статья Д. Т. Надькина «Репрезентация основы в парадигматике мордовского глагола». Автор делает попытку определить в глагольной парадигматике место диагностических форм, выявить объектные и безобъектные глагольные основы как в синхроническом, так и в диахроническом планах. Диагностические формы мордовского глагола он разделяет на пять групп (классов). Анализируя в сравнительно-историческом плане репрезентацию основы мокшанского и эрзянского глаголов, автор приходит к общему заключению, что репрезентация интегральных основ в мокшанском языке (по сравнению с эрзянским) имеет свою специфику и выявляет их вторичный характер. Что же касается непродуктивных, т. е. реликтовых форм, то они, как доказывает Д. Т. Надькин, в глагольной парадигматике выявляют те же типы глагольных основ, что и в эрзянском (с. 75). Наличие

же эрзянизмов в некоторых мокшанских говорах Д. Т. Надькин связывает с инфильтрацией рязано-окского (протоэрзянского) населения в бассейн Цны и Мокши в конце I тыс. н. э. (с. 56).

Со статьей о месте обстоятельственных слов в мордовском предложении выступил Н. С. Аляжкин. Он устанавливает некоторые закономерности порядка слов в мордовском предложении. Как известно, в мордовских языках, имеющих развитую систему словоизменения, порядку слов в предложении свойствен относительно свободный характер, что создает дополнительные возможности для придания предложению новых смысловых и стилистических оттенков. Если в древнемордовском языке, по наблюдениям автора, обстоятельство, как правило, располагалось перед личной глагольной формой, то на современном уровне развития мокшанского и эрзянского языков место обстоятельства обуславливается коммуникативной целью высказывания, а это ведет к различному расположению обстоятельственных слов в устной и письменной речи. Автор устанавливает, например, следующую закономерность: если в мордовском предложении обстоятельство выражает тему высказывания или входит в ее состав, то ставится в начале предложения, если же — рему, то располагается в конце его (с. 14).

К. И. Ананьина в статье «Особенности начала слова в диалектах мокшанского языка» анализирует специфические случаи употребления согласных в некоторых мокша-мордовских говорах. По ее наблюдениям, в абсолютном начале исконно мордовских слов наиболее распространённым явлением следует считать употребление глухих шумных согласных *п, к, т', с, с', ш, ш'*. Звонкие же согласные в большинстве мокшанских говоров в начале слова не утвердились. Так, в рыбкинско-мамолаевских говорах, занимающих наибольший ареал данного диалектного явления, начальные согласные в слове могут быть только глухими. В этом К. И. Ананьина справедливо усматривает следы общефинно-угорского языка, для которого было характерно отсутствие звонких шумных согласных. Общефинно-угорская языковая особенность, считает автор, отразилась прежде всего на заимствованных и звукоподражательных сло-

вах (*корьт* 'город', *Танила* 'Данила', *сойн'амс* 'жужжать'). Но в современных мокшанских диалектах исконная глухость согласных стала все чаще нарушаться и претерпевать изменения, вызванные, во-первых, проникновением заимствований из языков, для которых звонкое начало слова было обычным явлением, во-вторых, наличием звукоподражаний, нередко влияющих на звуковые закономерности языка, и, в-третьих, — в результате ассимиляции по звонкости.

В статье Р. Н. Бузаковой «Синонимика падежных форм и послеложных конструкций» рассматривается морфологическая синонимия эрзянского литературного языка. Автор ограничила свою задачу анализом наиболее часто встречающихся в мордовских языках синонимических форм падежей с послелогам и без них. На основе изучения литературно-текстового материала она показывает, что в мордовских языках падежная система очень богата синонимами и их использование создает немало возможностей для обогащения устной и письменной литературной речи. Заслуживает внимания замечание Р. Н. Бузаковой, что в мордовских языках послелог выполняет ту же функцию, что и морфема, но отличается от нее. Падежный формант, выражая синтаксические отношения, передает более общее представление о предмете. С помощью же послелога, выступающего в качестве служебного слова, достигается предельное уточнение семантических оттенков. Эти наблюдения Р. Н. Бузаковой вносят определенный вклад в недостаточно еще разработанную проблему мордовской морфологической синонимии.

Л. И. Тураева на материале эрзянских говоров черемшанского куста Татарской АССР прослеживает некоторые фонетические и морфологические явления, отражающие взаимодействие разных диалектных систем, одним из результатов которого называется наличие в исследуемом ареале смешанных, или переходных, говоров с фонетическими и морфологическими отличительными признаками. К сожалению, в статье Л. И. Тураевой в основном отмечаются результаты взаимодействия мордовского и русского диалектов и по существу ничего не говорится о взаимодействии мордовских языков с другими языками, прежде всего с татарским.

Употребление форм глагола при определенном и неопределенном объекте в мордовских языках — тема статьи Т. М. Тихоновой. Данная проблема, хотя и неоднократно служила предметом исследования, по-прежнему содержит ряд невыясненных вопросов. К ним, в частности, относится применение глагольных форм в зависимости от определенности и неопределенности имени в роли прямого объекта. При определении случаев употребления объектных форм глагола автор устанавливает несколько дополнительных, ранее не отмеченных семантических типов. Таковы, например, случаи употребления объектных форм для выражения анафорической определенности имени, наличие объектного спряжения, если объект, обозначенный именем, выступает с показателем действительной определенности и т. д. При употреблении форм безобъектного спряжения Т. М. Тихонова выделяет случаи, когда эта форма глагола встречается при объекте, выраженном именем, имеющим перед собой количественное числительное; при объекте, обозначенном именем с отрицанием, или с прилагательным, причастием или придаточным предложением в качестве определения. Автор приходит к выводу, что в мордовских языках формы употребления глаголов объектного и безобъектного спряжений обнаруживают общие черты с другими языками, прежде всего — с угорскими (венгерским, мансийским и хантыйским).

Р. С. Ширманкина посвятила статью морфолого-синтаксической характеристике мордовских фразеологических единиц

(ФЕ). Установив, что фразеологическую систему в мокшанском и эрзянском языках составляют именные, глагольные и наречные ФЕ, автор выделяет в ней две группы ФЕ — фразеологизмы, способные изменяться при включении в речь, и ФЕ фиксированной формы. Первая группа обычно соотносится с существительным, прилагательным или глаголом. Вторая, соотносясь с наречием, морфологически неизменяема. Р. С. Ширманкина подробно рассматривает и формы употребления ФЕ, их лексико-семантическое значение и способы грамматического оформления. Одной из особенностей мордовских ФЕ, по ее мнению, является их способность образовывать взаимосвязанные пары и инварианты, такие как *мелем мольсь* 'мне надоело' и *мольстемс мель* 'надоест кому-либо'.

Завершает первый выпуск «Финно-угристики» рецензия А. В. Алешкина на книгу А. П. Феоктистова «Очерки по истории формирования мордовских письменнолитературных языков. Ранний период» (Москва 1976).

К выпуску приложен список дипломных работ по лингвистике, защищенных студентами национального отделения филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Материалы сборника показывают, что в Мордовской АССР уже сложились прочные теоретические и историко-лингвистические традиции.

Р. А. АЛЕШКИНА (Саранск)

В. А. Сорвачева, Нижневыхегодский диалект коми языка, Москва, «Наука», 1978. 227 с.

Рецензируемая книга представляет собой посмертное издание известного коми диалектолога Валентины Александровны Сорвачевой (1923—1977).¹ В ней дается описание фонетических, морфологических и лексических особенностей одного из древнейших диалектов коми языка в его современном состоянии. Монография вклю-

чает традиционные разделы — фонетику, морфологию, лексику и диалектные тексты.

Первый раздел «История заселения нижней Вычегды» написан А. И. Туркиным. Автор на основе данных смежных наук: археологии, истории и особенно топонимики, делает вывод, что в формировании населения нижней Вычегды, кроме коми и русских, приняли участие другие народы и это отразилось на грамматике и лексике описываемого диалекта.

¹ Автор скончалась во время подготовки книги к печати, потому в ней остались некоторые недочеты.